

18+

ИСКАНДЕР АРЫСОВ

СИ- БЕМОЛЬ

ПРОЕКТ «СИНГУЛЯРНОСТЬ
АРЫСОВА»

Искандер Арысов

**Си-бемоль. Проект
«Сингулярность Арысова»**

«Издательские решения»

Арысов И.

Си-бемоль. Проект «Сингулярность Арысова» / И. Арысов —
«Издательские решения»,

В центре скопления галактик Персей, в 250 миллионах световых лет от Земли, чёрная дыра уже 2,5 миллиарда лет поёт ноту си-бемоль. Её частота — на 57 октав ниже диапазона человеческого слуха. Студент Андрей Штерн, которого прозвали «инопланетянином», решает невозможное: сыграть этот космический звук на выпускном концерте. Один. На всех инструментах симфонического оркестра. «Си-бемоль» — это история о гении и чёрных дырах, о том, как теряют слух ради единственной ноты и находят её в тишине.

© Арысов И.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Авторский концерт	6
Пролог. Горизонт событий	6
1. Большой зал накануне	7
2. Тайный замысел	8
3. Авторский концерт	9
4. Самая громкая тишина	10
5. Реквием по оркестру из одного человека	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Си-бемоль

Проект «Сингулярность Арысова»

Искандер Арысов

*Музыка — это не то, что приятно уху. Музыка — это то, что
остается после того, как ухо перестало слышать.*

— Андрей Штерн, из студенческой работы

© Искандер Арысов, 2026

ISBN 978-5-0070-6329-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Авторский концерт

Пролог. Горизонт событий

*В космосе нет звуков, говорят нам в школе. Потому что звук — это механическая волна, а межзвёздная среда слишком разрежена.

Но, во-первых, это неправда: межгалактический газ в скоплениях достаточно плотен, чтобы волны давления распространялись на миллионы световых лет. Во-вторых, даже если среды нет, это не значит, что нет источника.

Самый громкий звук во Вселенной — не взрыв сверхновой. Не гамма-всплеск. Не столкновение галактик.

Это нота си-бемоль.

Сверхмассивная чёрная дыра в центре скопления Персея поёт её непрерывно. Уже 2,5 миллиарда лет.

Её частота — примерно в миллион миллиардов раз ниже порога слышимости человеческого уха. Длина волны — 30 000 световых лет. Период одного колебания — 10 миллионов лет.

Эту ноту нельзя услышать.

Но её можно сыграть.

1. Большой зал накануне

Андрей Штерн сидел на сцене Большого зала консерватории, когда там никого не было. Люстра ещё не зажглась, рояль стоял чёрным саркофагом, паркет тускло отсвечивал воском. Завтра здесь будет его авторский концерт. Государственная итоговая аттестация. Пять новых сочинений: симфония №1 «Аккреция», концерт для арфы с оркестром «Падение в горизонт», концерт для литавр и тубы «Гравитационная волна», трио для флейт пикколо «Фотонная сфера» — и финальный удар, которого никто не ждёт.

Он смотрел на пустые кресла. Два ряда профессуры. Третий — приглашённые композиторы. Четвёртый и выше — студенты, критики, случайные слушатели. Все ждут «ещё одного талантливого выпускника». Но никто не знает, что Андрей придумал то, чего не делал никто.

Они называли его «инопланетянином». С первого курса. За отрешённый взгляд, за то, что на семинарах по гармонии он молчал, а потом вдруг говорил: «А почему бы не записать тембр чёрной дыры?» За то, что вместо сонатины для фортепиано принёс пьесу для струнного квартета, где смычки должны были двигаться с разной скоростью, создавая интерференционные полосы звука — «акустическую тень». Профессор Эдуард Борисович, завкафедрой, сказал тогда: «Штерн, вы не здесь родились. Вы где-то между галактик потеряли своё ухо».

Но Андрей не обижался. Он действительно чувствовал себя чужим. Московские дворы, запах борщей из общежития, вечные разговоры о квартирах и премиях — всё это было слишком мелко. Он хотел писать музыку для структур размером в десятки тысяч световых лет.

И однажды ночью, перебирая архив научных статей в поисках темы для диплома, он наткнулся на неё: в 2003 году рентгеновская обсерватория «Чандра» зафиксировала рябь в газе скопления Персея. Сверхмассивная чёрная дыра в центре скопления уже 2,5 миллиарда лет пела одну и ту же ноту. Си-бемоль. На 57 октав ниже до первой октавы. С периодом в 10 миллионов лет на одно колебание.

Андрей заплакал. Не от умиления — от ужаса и восторга. Это была самая долгая, самая мощная, самая одинокая мелодия во Вселенной. Её не мог услышать ни один биологический орган, но она перекраивала галактики, грела плазму, останавливала рождение звёзд.

«Вот что я должен сыграть», — сказал он себе.

2. Тайный замысел

Проблема была проста и чудовищна. Симфонический оркестр — около ста человек — может издать громкость примерно 130 децибел в непосредственной близости. Рок-концерт — 150. Взрыв сверхновой в вакууме — вообще не звук. Но си-бемоль чёрной дыры в скоплении Персея — это акустическая энергия, достаточная, чтобы нагреть газ массой в миллиарды Солнц.

Как переложить это на человеческие инструменты?

Андрей понял, что традиционный оркестр не справится. Он нужен один. Человек, который сыграет ВСЁ. Одновременно. На всех инструментах сразу.

Он начал готовиться за два года до выпуска. Тайно. По ночам в классе ударных учился контролировать каждую мышцу, каждую фалангу пальца. Разработал систему рычагов и педалей, которую можно было приводить в действие ногами, локтями, даже подбородком. Заказал у знакомого инженера-акустика многоканальный пульт с программным управлением, где каждая клавиша активировала механическое устройство — молоточек, смычок, язычок, трость, колокольчик, барабанную палочку.

Он собирался сыграть концерт «Персей-А» для одного исполнителя и 247 инструментов симфонического оркестра с дополнительной группой органа, колоколов и электронных генераторов низких частот.

Никто не знал. Ни профессора, ни однокурсники. Даже его дипломный руководитель, добрейший Александр Маркович, видел только партитуру финальной симфонии «Аккреция» — вполне невинную, хоть и невероятно сложную для оркестра.

— Андрей, — сказал ему Александр Маркович за месяц до концерта, — вы пишете так, будто пытаетесь объять необъятное. Но помните: оркестр — это люди. У них есть предел.

— Я знаю, — ответил Андрей. — Поэтому я буду один.

Александр Маркович не понял. Решил, что студент шутит.

3. Авторский концерт

Торжественное заседание ГИА. За столом — профессора в чёрном. На сцене — вместо оркестровых пультов странная конструкция: 247 инструментов, размещённых по кругу, а в центре, на подиуме, — кресло с рычагами и педалями. Вокруг — десятки мониторов с партитурой.

Председатель комиссии, Эдуард Борисович, поднимает бровь.

— Штерн, а где оркестр?

Андрей выходит на сцену в обычном чёрном костюме, только на запястьях — металлические браслеты с тонкими тросами, ведущими к молоточкам.

— Оркестр здесь, — говорит он. — Во мне.

Тишина. Потом смешок в третьем ряду. Эдуард Борисович шепчет соседу: «Ну вот, инопланетянин окончательно улетел».

Андрей садится в кресло. Нажимает первую комбинацию педалей. Локти — на рычаги литавр. Пальцы — на клавиатуру, управляющую струнными. Голосовые связки — в микрофон, искажённый до органа. Подбородок — на специальную пластину, которая активирует медные духовые.

Начинается «Аккреция».

Это не музыка в привычном смысле. Это звуковой образ падающего вещества на чёрную дыру. Поначалу — редкие щипки арфы, пиццикато контрабасов. Потом — нарастание: скрипки входят, как нагретый газ, спиралью приближаясь к центру. Андрей играет всё быстрее, его руки мелькают, ноги выбивают дробь на педалях бас-барабанов. За одну минуту он создаёт иллюзию целого оркестра — и более того. Потому что никакой оркестр не способен на такую точную синхронизацию. Сто человек всегда чуть-чуть расходятся. А здесь — один мозг, одно тело, один импульс. Сверхчеловеческая точность.

Зал замирает. Профессора перестали шептаться. Они слышат то, чего не слышали никогда.

Второе сочинение — концерт для арфы «Падение в горизонт». Андрей переключает систему, и арфы (пять штук, расставленных по дуге) начинают звучать с интервалом в микродоли секунды, создавая эффект растяжения времени — как если бы струны сами падали в чёрную дыру, застывая на горизонте событий.

Эдуард Борисович роняет карандаш.

Третье — концерт для литавр и тубы. Андрей играет ногами, одновременно ведя мелодию на медных через специальный мундштук, закреплённый на подголовнике. Звук такой низкий, что в зале начинает вибрировать штукатурка. Кто-то из студенток хватается за уши — не от боли, от неожиданности.

Четвёртое — трио для флейт пикколо «Фотонная сфера» — верхний регистр, визгливый, почти ультразвуковой. Андрей переключает систему на самый быстрый режим: язык работает как смычок по четырём флейтам сразу. Возникает ощущение, что воздух в зале начинает светиться.

Антракт. Профессора совещаются. Эдуард Борисович говорит: «Это гениально или безумно. Я пока не понял».

4. Самая громкая тишина

После антракта Андрей выходит снова. Лицо бледное, на лбу — испарина. Но глаза горят.
— Уважаемая комиссия, — говорит он. — Последнее сочинение. Оно называется «Си-бемоль скопления Персея». Концерт для солиста и 247 инструментов без оркестра.

— Вы уже сыграли с оркестром, — замечает Александр Маркович с некоторым беспокойством.

— Нет. Вы не поняли. Вся первая часть была подготовкой. Мне нужно, чтобы вы услышали самый громкий звук во Вселенной.

Он садится в кресло. Делает глубокий вдох. И начинает.

Но начинается с тишины.

Потому что самый громкий звук во Вселенной, нота си-бемоль чёрной дыры Персея, имеет частоту в миллион миллиардов раз ниже порога слышимости. Его длина волны — 30 000 световых лет. Человек не может его услышать.

Андрей знает это. Он знал с самого начала.

Вот почему он построил свою машину иначе: он заставил 247 инструментов вибрировать не на своих частотах, а на обертонах этой космической ноты. Он взял 57-ю октаву, и 58-ю, и 59-ю — всё, что доступно человеческому слуху, — и сложил их так, чтобы в интерференции возникла иллюзия бесконечно низкого баса. Это не звук чёрной дыры. Это его тень. Отпечаток. Акустическая голограмма.

Но чтобы создать эту голограмму, нужно было сыграть все 247 партий сразу — не последовательно, как в первых частях, а одновременно. Каждый инструмент должен издавать свою ноту в точный момент, с точностью до тысячных долей секунды. Нейронная сеть.

Андрей начинает.

Его руки летают по клавиатурам. Ноги — по педалям. Локти, подбородок, даже грудная клетка — всё в движении. Он превратился в единый орган восприятия, в человека-оркестр, в машину из плоти и музыки.

И зал слышит.

Сначала это просто гул — как если бы под полом проснулся вулкан. Потом в гул вплетаются струнные — не как мелодия, а как рябь на поверхности газа. Медные духовые выбрасывают длинные, тягучие ноты, каждая из которых длится по 10 секунд — символические «миллионы лет» в масштабе человека. Ударные — не ритм, а пульс расширяющихся пузырей плазмы.

В зале падают со стульев. Не от боли — от давления. Воздух стал плотным. Стены, кажется, прогибаются наружу.

Эдуард Борисович понимает: это не выступление выпускника. Это сообщение от существа, которое пытается на человеческом языке рассказать о том, что больше человека. О музыке, длящейся дольше, чем жизнь любого вида на Земле. О ноте, которую поёт мёртвая звезда.

И вдруг — кульминация.

Андрей, доведя интерференцию до пика, делает то, чего не должно было быть в партитуре. Он бросает руки, встаёт и открывает рот. Без микрофона, без искажений. Просто поёт.

Он поёт си-бемоль.

Ту самую, на 57 октав ниже. Конечно, у него нет такого голоса. Он поёт её в первой октаве — просто ноту си-бемоль, чистую, без вибрато, без выражения.

Но в этот момент 247 инструментов замолкают. В зале остаётся только один звук — его голос. Слабый, дрожащий, человеческий.

И в этой тишине, после всего — после симфонии галактик и концертов чёрных дыр — этот одинокий си-бемоль звучит как самое громкое, что вообще способна произвести Вселенная. Потому что это выбор. Потому что чёрная дыра поёт по инерции, 2,5 миллиарда лет — без воли, без любви, без страха. А человек поёт сознательно. Зная, что через секунду — тишина.

Андрей допевает ноту. Молчит. Кланяется.

И падает.

5. Реквием по оркестру из одного человека

Скорая. Больница. Диагноз: акустический удар внутреннего уха, разрыв мембран улитки, острый психоз на фоне физического истощения.

Он не слышит больше ничего. Абсолютная глухота.

Профессора в коридоре больницы. Эдуард Борисович вертит в руках заключение ГИА: «Концерт выпускника Штерна А. Е. признан выдающимся художественным достижением. Присвоена квалификация „композитор“. Особое мнение: автор концерта утратил слух вследствие собственной акустической провокации. Рекомендовано психолого-психиатрическое наблюдение».

— Он знал? — тихо спрашивает Александр Маркович. — Он знал, что так будет?

Эдуард Борисович долго молчит. Потом говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.